

ГЛАВА 1

*Москва, Измайловский парк,
8 января 1977 года*

Москва праздничная! Сотни тысяч людей со всего Советского Союза съезжаются сюда, чтобы полюбоваться красотами величавой, нарядной, приподнято-торжественной столицы. Шумные толпы на Кремлевской площади, радостный детский смех у театра имени Образцова с его знаменитыми часами, величественная новогодняя елка у фонтана «Каменный цветок» на ВДНХ, огромный ледовый каток и множество развлечений для любителей зимних забав, знаменитые горки для катания в Измайловском парке. На Москву праздничную стоит посмотреть! Кто хоть раз побывал в столице в новогодние праздники, с этим утверждением спорить не станет.

— Мама, мама, смотри! Гигантские леденцы! Хочу такой!

Пухлый розовощекий мальчик лет пяти тянул мать за подол модного драпового пальто, тыча пальцем в сторону разряженного лоточни-

ка, увешанного разноцветными лентами, на лотке которого красовались карамельные леденцы в форме петушков и звездочек размером с футбольный мяч.

— Дорогой, мы опоздаем на представление, — строгим тоном ответила мать розовощекому малышу. — К тому же леденцы вредны для зубов.

— Но я хочу, мама! Купи! Купи леденец! Хочу звезду, как на Кремлевской башне. Вон ту, красную!

— Нет, нам пора уходить. — Мать схватила малыша за руку и потянула к выходу из Измайловского парка. — Вон идет наш поезд. Надо спешить.

Через ворота Измайловского парка просматривалась одноименная наземная станция метрополитена. Платформа метрополитена не имела наружных стен, навес держался лишь на железобетонных колоннах, чем напоминал обычную железнодорожную платформу. Скромно оформленная станция метрополитена (отголоски постановления Никиты Хрущева «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» 1955 года) в эти праздничные дни выглядела сказочно чарующей, благодаря мерцающим огонькам на двадцати пяти колоннах. Мальчик на минуту заинтересовался сверкающими огоньками, но вскоре снова заканючил:

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

— Хочу леденец, мамочка! Ну, пожалуйста!

— Дорогая, давай купим этот леденец. — Мужчина в военной форме ласково притянул к себе женщину за талию. — Праздник ведь, почему не побаловать мальчика? Сейчас только семнадцать тридцать, до представления еще полтора часа. Успеем.

— Вечно ты идешь у него на поводу, — шепотом, чтобы не услышал мальчик, проговорила женщина. — А ведь ему уже почти пять лет! Он должен научиться сдерживать свои желания.

— Хорошо, он начнет сдерживать свои желания завтра, а сегодня мы купим ему самую большую звезду. Договорились? — Почувствовав, что жена готова сдаться, мужчина заговорил чуть громче: — Так что, идем за звездой?

— Ну что с вами делать? Двоих мне не переспорить. — Широкая улыбка расцвела на лице женщины. — Пойдем, сорванец, купим тебе звезду.

— Ур-р-ра! У меня будет звезда, как на Кремлевской башне!

Мальчик вырвался из рук матери и помчался навстречу лоточнику. Мать и отец, взявшись за руки, зашагали вслед за сыном. Они еще не знали, что невинное желание мальчика уберегло их от катастрофы, а быть может, спасло жизнь. Они мирно выбирали леденец, расплачивались за

покупку, пока на платформе метрополитена шла посадка на электропоезд. Как всегда в праздничные дни, народ толпился у края платформы, стараясь успеть занять удобные места в вагонах.

— Иван, сюда! Мы в третьем! В третьем вагоне. Да шевелись же ты!

Рыжеволосый парень продирался сквозь толпу, пытаясь воссоединиться со своими друзьями, один из которых, высунувшись из третьего вагона, яростно жестикулировал, подавая знаки другу. Он почти добрался до дверей вагона, когда грузная краснощекая женщина загородила ему проход. Тяжело дыша, она опустила две огромные корзины, обмотанные пуховыми платками, прямо под ноги рыжеволосому парню.

— Осторожнее, мамаша! — грубовато выкрикнул парень, пытаясь высвободить ноги из-под корзин. — Не видите, здесь люди!

— Это ты-то людь? Хам! Какая я тебе мамаша? Сколько, по-твоему, мне лет? Да я, можно сказать, в детский сад еще ходила, когда ты по девкам бегать начал, — громко, не стесняясь прохожих, заголосила женщина.

— Простите. — Рыжеволосый не стал препираться, понимая, что склока лишит его последнего шанса успеть запрыгнуть в вагон. Он начал обходить корзины, но женщина ухватила его за

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

рукав, явно недовольная тем, что лишается возможности поскандальить.

— Теперь «простите»? Оскорбил беззащитную женщину и думаешь, так легко отделаешься? — Женщина отпустила рукав молодого человека, но лишь для того, чтобы вцепиться в обшлага пальто. — И куда это ты, милоч, собрался? А ну, извиняйся как следует!

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Первомайская», — раздался в вагоне механический голос диктора, и поезд тронулся.

Рыжеволосый парень с тоской проводил его взглядом, даже не решаясь махнуть на прощание рукой своим друзьям. Так же, как и супружеская пара с пятилетним малышом, он и представить не мог, что будет благодарен толстой орущей женщине до конца своих дней за то, что помещала ему сесть в вагон. А поезд набирал обороты. Вновь вошедшие пассажиры устраивались удобнее, те, что ехали давно, лениво рассматривали пейзаж за окном, благо, наземный переход до станции «Первомайская» давал такую возможность. Разноцветные новогодние огоньки мелькали за окнами, поднимая настроение.

— Чего расселся, парнишка, не видишь, дама перед тобой стоит. Уступи-ка местечко! — Мужчина лет сорока в спортивной куртке и шапочке набекрень навис над молодым человеком, устро-

ившимся в углу вагона. Тот поднял глаза, угрюмо посмотрел на женщину, но место уступил.

— Спасибо, — искренне поблагодарила женщина, тяжело опускаясь на сиденье. — Со смены еду, ноги не держат.

— Нам это запросто, мадам, — усмехнувшись, произнес мужчина и подмигнул парнишке.

Тот, не сказав ни слова, продвинулся в глубь вагона. Рядом с ним оказалась группа парней, которые минуту назад зазывали в вагон своего рыжеволосого друга.

— Эх, Леха, лопух. Не мог поживее двигаться. Теперь дожидайся его на конечной, — ворчал тот, что яростно жестикулировал, высунувшись из окна.

— Не повезло ему, — вторил высокий худощавый парень с прыщами на лице. — Каких-то десяти секунд не хватило. Надо было стоп-кран рвануть.

— Ага, тебе милиция метрополитена рванула бы, — возразил третий, скуластый башкир с шикарной шевелюрой.

— Та вы ж бачили, как его та жинка в оборот взяла? Дюже шибко! Он теперь довго от нее не отвяжется, — посочувствовал четвертый, своеобразный выговор которого выдавал в нем уроженца Украины.

Группа парней, утратив интерес к теме, обратила взоры на пассажиров вагона. Парень, усту-

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

пивший место женщине, продвинулся еще дальше, не желая оказаться объектом их внимания. Проходя мимо пары подвыпивших приятелей, он случайно задел ногой дорожную сумку.

— Простите, — смущенно произнес парнишка.

— Чего? А! Сумка? Забирай, парень, нам чужого не надо, — весело произнес один из подвыпивших друзей. Мыском сапога он начал выдвигать сумку из-под сиденья.

— Нет, нет, оставьте! — поспешил проговорить парнишка. — Это не моя.

— Ну как знаешь, — ответил ему мужчина и запихнул сумку обратно под сиденье.

Парнишка успел продвинуться на два корпуса вперед, когда позади него прогремел взрыв. Мощная взрывная волна отбросила его в сторону, он ударился головой о поручень и потерял сознание. А за его спиной творилось что-то невообразимое. Крики, стоны, плач...

— Наталка, где ты? Наталка!

— Сыночек, открой глазки, родненький. Открой глазки, мамочка рядом!

— Что произошло? Не понимаю, что произошло?

— Я ничего не вижу, ничего не вижу!

— Люди, да помогите же!

И над всей этой какофонией звуков надрывный, перекрывающий все женский крик:

— А-а-а-а! А-а-а-а! Головы нет! У него головы нет! Смотрите! Смотрите! А-а-а-а!

Из тех, кто был в вагоне, мало до кого дошел смысл слов кричащей женщины. Мысли и чувства людей сконцентрировались в своем микропическом мирке, где страдали их родные, их друзья и знакомые. Сейчас люди не воспринимали то, что происходило вокруг. Все, кроме мужчины в спортивной куртке и шапочке набекрень. Каким-то чудом он устоял на ногах во время взрыва и теперь взирал на происходящее остекленевшим взглядом. Потом, когда пройдет шок, он будет жалеть о том, что не упал вместе со всеми на пол вагона, не закрыл глаза, не отключился, чтобы не видеть происходящего. Но сейчас он не мог оторвать взгляда от того, что происходит в вагоне. Его мозг фиксировал мельчайшие подробности, которые будут преследовать его до самой смерти.

Освещение в вагоне погасло, но скудный вечерний свет, пробивающийся через окна, не скрывал, а только усиливал ужас происходящего. Дым, заполнивший вагон, постепенно выходил сквозь разбитые вдребезги окна. Стекла были повсюду: на полу, на телах, лежащих грудой в проходе, на сиденьях. Они запутались в волосах симпатичной брюнетки, впились в лицо седенькой старушки, сидящей прямо на груди грузного мужчины. Они

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

скрипели на зубах мужчины в спортивной куртке и шапочке набекрень, сыпались с потолка, заполняли все вокруг.

Мужчина видел парней, которые еще минуту назад дружно хохотали над какой-то шуткой. Теперь они лежали вповалку один на другом. Руки и ноги неестественно вывернуты, в глазах страх и боль. Он видел семейную пару, мужчину и женщину, которые вскочили в вагон в последний момент и были этим весьма довольны. Сейчас мужчина стоял на коленях перед женщиной, тряс ее за плечи и плакал. Он видел ошалевшую от ужаса мать, яростно разрывающую одежду на груди сына-подростка, пытавшуюся привести его в чувства. Он видел так много, что единственным его желанием было зажмуриться, но он не мог. Физически не мог закрыть глаза или хотя бы отвести взгляд в сторону.

«Прекрати, сейчас же прекрати! Отвернись, закрой глаза, вдохни глубоко и успокойся! Тебе нужно успокоиться. — Он мысленно заговорил с собой, пытаясь взять себя в руки. — Чтобы успокоиться, тебе нужно закрыть глаза. Закрой чертовы глаза! Сейчас же закрой!» Но, прежде чем он смог это сделать, его взгляд вычленил из кричащей толпы тело парнишки. Того самого, который всего пару минут назад спокойно дремал в уголке. Того самого, которого он согнал с безо-

пасного места, заставив уступить место женщине. Он узнал его по куртке с эмблемой футбольного клуба «Динамо» на спине. Узнал чудом, так как вместо курсивной голубой буквы «Д» в ромбе зияла огромная дыра, которая буквально на глазах наполнялась кровью. Кровью парнишки.

«Я убил его, — пронеслось в голове мужчины в спортивной куртке и шапочке набекрень. — Это я убил его!» К горлу подступила тошнота, в глазах потемнело. Мужчина ухватился за поручень, правая рука потянулась к груди. Сердце сжало точно тисками. «Я убил его! Это про него кричала женщина. У него нет головы! Но ведь этого не может быть! Я не убийца! Нет, я не убийца!» Эта мысль заставила мужчину сбросить с себя оцепенение. Преодолевая боль в груди, он начал пробираться к центру вагона, туда, где на оторванном поручне висело тело парнишки.

— Помогите, помогите мне!

— Сюда, у моего друга весь живот в крови!

— Кто-нибудь, помогите!

Десятки рук цеплялись за штанины, хватали за руки, пока мужчина пробирался к телу парнишки. Он сбрасывал их, отворачивался от молящих взглядов и продолжал идти. Когда до парнишки оставалась всего пара шагов, он остановился. На его пути лежали ноги. Две аккуратные культы в окровавленных лохмотьях. К горлу

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

снова подступила тошнота. Нестерпимая, непреодолимая тошнота. «Только не сейчас, — взмолился мужчина. — Только не сейчас. Потом, когда все закончится, пусть! Но только не сейчас!» Рядом истошно завопила женщина, и этот крик странным образом подействовал на мужчину. Тошнота отступила, он сделал еще два шага, ухватил парнишку за талию и снял с поручня. Голова оказалась на месте, ее просто скрыл капюшон, меховую «опушку» которого залила кровь.

— Сейчас, малец, потерпи немного, — зашептал мужчина. — Все будет хорошо. Ты выживешь, я тебе обещаю!

Он кое-как расчистил место на сиденье вагона, уложил парня на живот. Положил руку на горло, пульс хоть и слабо, но прощупывался.

— Вот так. Хорошо. Ты жив, голова на месте, значит, все будет хорошо.

— Больно. — Парень пришел в сознание, застонал.

— Терпи, малец, помощь уже идет. Я уверен, помощь уже идет.

— Что случилось? Что?

— Не думай об этом. Береги силы, тебе не нужно сейчас разговаривать. — Мужчина попытался снять с парнишки куртку, тот застонал громче. — Ничего, потерпи чуток. Скоро станет легче.

Куртка сниматься не желала, мужчине пришлось зубами разорвать толстые швы у талии и воротника, но он справился. Освободил спину, добрался до раны и с облегчением выдохнул.

— Вот видишь, я же говорил, что все будет хорошо. — Мужчина опустил на колени, чтобы оказаться на уровне глаз парнишки. — У тебя два осколка в спине, две малюсенькие ранки. Крови много, но она уже остановилась. Это хороший знак.

— Осколки? У меня в спине осколки?

— Да, осколки. Произошел взрыв. — Мужчина старался говорить спокойным тоном. — Наверное, короткое замыкание в цепи или еще что-то. Стекла выбило, вагон остановился. Больше ничего не знаю.

— Не похоже на замыкание. — Парнишка с трудом повернул голову, пытаясь рассмотреть, что происходит вокруг. — Ох! Ноги!

Он увидел окровавленные культы. Мужчина сдвинулся в сторону, загораживая своим телом открывшуюся картину.

— Не думай об этом, — строго произнес он. — Думай о чем-нибудь хорошем. Думай о семье.

— Ноги, там ноги, — как заведенный повторял парнишка. — Мне нужно уйти отсюда. Я не могу здесь оставаться! Мне нужно уйти.

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

Мужчина понял, что парнишка сейчас попытается встать, и среагировал мгновенно. Он поднялся с колен и навалился на ноги парнишки всем телом, руками удерживая торс.

— Не двигайся! Ты что, не понимаешь, что тебе нельзя двигаться. Пара сантиметров и твой спинной мозг вытечет в штаны. Лежи смирно!

Он понимал, что криком делу не поможешь, но он, как и все в вагоне, был смертельно напуган. Он прижимал парнишку к скамье и продолжал кричать:

— Лежи смирно! Лежи, тебе говорят. Помощь едет.

Вдалеке послышался звук сирены, мужчина радостно засмеялся.

— Ну, что я говорил? Помощь едет. Слышишь, сирены? Это за нами. Теперь все будет хорошо. Все будет хорошо.

Он отпустил тело парня, медленно, в изнеможении сполз на пол вагона и заплакал.

Через пять минут вагон заполнился людьми в форме: военной, милицейской, медицинской. Они доставали людей из вагона, кого-то выносили на носилках, кого-то выводили под руки, кто-то, справившись с шоком, шел сам. Мужчина сидел на полу и безучастно наблюдал за происходящим.

— Вы не ранены? Скажите, вы не ранены? — Молодая женщина лет тридцати, одетая в халат

медицинского работника, склонилась над мужчиной.

— Нет, я не ранен, — ответил тот.

— Идти можете? Здесь, чуть дальше у путей, разбит лагерь для пострадавших.

— Лагерь? Но зачем?

— Дано распоряжение, вас должны опросить, прежде чем позволить уйти. — Женщина-врач старалась не смотреть мужчине в глаза.

— Что за глупость? После такого потрясения все захотят поскорее убраться отсюда. — Мужчина в недоумении смотрел на врача. — Пусть осматривают пути, разве не в них проблема?

— Если вы не ранены, пройдите, пожалуйста, к лагерю. Там вам все объяснят. — Она начала двигаться по проходу дальше, и тут мужчина вспомнил про парнишку.

— Подождите. — Он схватил женщину за руку. — Тут парень, у него в спине осколки.

— Подвиньтесь. — Женщина сдвинула санитарную сумку на бок, склонилась над парнишкой. — Давно он без сознания?

— Не знаю, он висел на том поручне. Я снял его, положил на скамью.

— Он говорил с вами?

— Да, немного. Потом запаниковал, я его к скамейке придавил, чтобы не вскочил от страха.

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

— Хорошо. Вы все сделали правильно. А сейчас идите. — Она повернулась и громко крикнула: — Раненому нужны носилки. Сюда!

Мужчина выбрался из вагона и остановился на насыпи. Он видел, как парнишку погрузили на носилки, как двое санитаров вынесли его из вагона и понесли к машине «Скорой помощи». Только когда машина скрылась из виду, мужчина выпрямился и зашагал к парусиновым палаткам, которые в спешном порядке расставляли люди в военной форме.

*Москва, здание Комитета госбезопасности,
ноябрь 1977 года*

— Товарищ генерал-майор, Богданов прибыл.
— Пусть войдет, Коля.

Помощник-секретарь начальника спецотдела Управления нелегальной разведки генерал-майора КГБ Старцева распахнул дверь, пропуская в кабинет командира спецподразделения «Дон» Вячеслава Богданова. В кабинете генерал-майор Старцев был один. Он стоял у окна и задумчиво смотрел вдаль. Полковник Богданов вошел и остановился у двери, помощник генерал-майора Старцева тихо прикрыл дверь, чтобы посторонние звуки не мешали начальству.

— Товарищ генерал-майор, командир спецподразделения «Дон» по вашему приказанию прибыл, — не дождавшись реакции начальника, отрапортовал Богданов.

Старцев повел плечом, словно слова Богданова его покоробили, но от окна не отвернулся и разговор не начал. Пару минут Богданов переминался с ноги на ногу, затем решил перебазироваться ближе к генерал-майору. Он обошел стол, остановился у соседнего окна так, чтобы оказаться в поле зрения Старцева, и посмотрел в окно. Площадь перед зданием по колено засыпало снегом, и снег все еще продолжал идти, отчего пейзаж за окном приобрел свежий и какой-то сюрреалистический вид.

— Красиво, — искренне восхитился Богданов, рассматривая заснеженную кованую ограду и деревья, больше похожие на сказочный лес.

— Красиво, — повторил за Богдановым Старцев. — Снегопад всегда вызывает у меня чувство ностальгии. Вспоминается беззаботное детство, когда можно было натянуть тулупчик и шапку-ушанку, привязать к потертым валенкам коньки и вприпрыжку бежать на ближайший каток. Здорово было скользить по заснеженному льду, вдоволь навалиться в сугробах, отломить сосульку, свисающую с крыши сарая и сосать ее, как леденец. А потом вернуться домой, скинуть с себя

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

обледеневшую одежду, устроиться поближе к радиатору и слушать радио. Страшно подумать, что кто-то может посягнуть на эту тишину и красоту.

— Есть такая вероятность? — Богданов напрягся.

— Такая вероятность есть всегда. — Старцев повернулся лицом к полковнику. — И нужно найти тех, кто на тишину и красоту уже посягнул.

— Так я здесь из-за дела «Взрывников»?

— Да.

— Но ведь это дело ведет контрразведка.

— Руководитель оперативно-разыскной группы по делу о серии терактов в Москве обратился к нелегалам за помощью.

— Да, но какую помощь можем оказать мы? К этому делу и так подключено много ведомств. Лучшие люди из прокуратуры, МВД и Второго Главного управления КГБ СССР работают над этим делом круглосуточно. Что можем мы — нелегалы?

— На данный момент я знаю не больше тебя. Встреча назначена на девять тридцать, а я даже не знаю, кто придет.

— Тогда кто назначил встречу?

— Генерал-майор Кирпиченко позвонил вчера и сообщил, что Второе управление нуждается в помощи спецотдела. Вызвать тебя была уже моя инициатива. Насколько я понял, действовать

придется быстро, до годовщины Великой Октябрьской революции один день, в верхах требуют результатов, а все, что может Комитет государственной безопасности, — это порекомендовать усилить патрулирование столицы.

В этот момент дверь открылась, и на пороге появился мужчина в форме с погонами генерал-майора, с аккуратно зачесанной челкой и выразительными чертами лица. Быстрым шагом он прошел в кабинет, остановился напротив Старцева и протянул руку для рукопожатия.

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор. Удилов Вадим Николаевич, Второе управление, аналитический отдел. — Удилов пожал протянутую руку. — Поздравляю с присвоением очередного звания.

Старцев всего несколько месяцев назад получил звание генерал-майора и поздравления в свой адрес принимал регулярно, но от Удилова подобного внимания не ожидал, поэтому несколько растерялся.

— Представите мне товарища полковника? — Удилов перевел взгляд на Богданова, сделав вид, что не заметил смущения Старцева. — Полагаю, он приглашен на нашу встречу?

— Да, все верно. Полковник Богданов Вячеслав Антонович, командир спецподразделения «Дон», лучшего подразделения в отделе, — по-

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

спешил представить подчиненного Старцев. — Я взял на себя смелость вызвать его на беседу. Насколько я понял, временные рамки для нас важны, поэтому решил не тратить время на пересказ.

— Согласен, к тому же обсудить ситуацию с человеком, который отправится на передовую, будет для меня не лишним. — Удилов пожал руку Богданову и вновь обратился к Старцеву: — Я могу начинать?

— Да, присаживайтесь, товарищ генерал-майор, — предложил Старцев и первым сел. Из уважения к званию Удилова он не стал занимать кресло во главе стола, а присел на один из стульев для посетителей.

— Если вы не против, я бы предпочел общаться неформально. «Вадим Николаевич» вполне подойдет, — предложил Удилов, усаживаясь на стул напротив Старцева.

— Я только за, — согласился Старцев.

— Отлично, тогда я начну. Как вы уже поняли, речь пойдет о серии взрывов, совершенных группой неизвестных восьмого января этого года в Москве. Первый взрыв произошел в Московском метрополитене на перегоне между станциями «Измайловская» и «Первомайская». Бомба взорвалась в 17.33. Вторая бомба сработала в 18.05 в торговом зале продуктового магазина № 15 на

улице Дзержинского, расположенного неподалеку от здания КГБ СССР. Через пять минут после второго взрыва, произошел третий, у продовольственного магазина № 5 на улице 25 Октября. В результате серии взрывов погибли семь человек, все во время первого взрыва. Тридцать семь человек были ранены и в состоянии разной степени тяжести доставлены в больницы столицы. Об этом вы знаете, так?

— Эти данные нам известны, — подтвердил генерал-майор Старцев, Богданов же ограничился кивком.

— Теперь перейду к подробностям, часть из которых вам тоже может быть известна, но я все же остановлюсь на них. — Удилов поочередно взглянул на Богданова и Старцева. — Хочу быть уверен, что вооружил вас информацией во всей полноте. Итак, первый взрыв: по оценкам экспертов, в случае если бы взрыв произошел не на открытом месте перегона, а в тоннеле, жертв было бы на порядок больше. Семь смертей — это уже много. Я лично встречался с матерью десятиклассника, который приехал в Москву на каникулы и погиб при взрыве. Он оказался в эпицентре взрыва, и его тело смогли выдать матери только в закрытом гробу. Подарить ребенку познавательную поездку как поощрение за отличную учебу и получить в итоге закрытый гроб! Такое просто в голове не укладывается!

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

Удилов не смог сдержать эмоций, и сразу стало видно, насколько он измотан. Он на пару секунд прикрыл глаза, стараясь справиться с эмоциями, затем продолжил:

— Я рассказываю вам такие подробности, чтобы вы поняли, насколько для меня это дело стало личным. Да, возможно, это непрофессионально, быть может, мои чувства неуместны, но зато они отражают глубину моего стремления во что бы то ни стало найти мерзавцев и заставить их предстать перед судом.

— Поверьте, Вадим Николаевич, для меня это тоже личное дело. — Старцев подался вперед. — При взрыве чуть не пострадали родственники моей жены. В тот день они гуляли в Измайловском парке и лишь чудом не оказались в том поезде. Они уехали из парка в пять часов вечера. Задержись они на полчаса...

На какое-то время в кабинете установилась тишина. Богданов старался не смотреть на Старцева и не мог. За последние десять месяцев они не раз обсуждали взрыв в метро, выдвигали версии, пытались понять, возможно ли было этого избежать, но ни разу Старцев не сказал, насколько близко к его семье подобралась трагедия.

— Значит, вы меня понимаете. — Удилов открыл глаза. — Взрыв в метро был самым разрушительным. Усиливающая взрывную силу обо-

лочка плюс множество поражающих элементов в узком замкнутом пространстве не оставили людям шанса. Второе взрывное устройство, сработавшее в гастрономе, представляло собой безоболочное устройство без поражающих элементов, поэтому все остались живы. Продавца, работавшего за прилавком-рефрижератором, под который была заложена бомба, контузило. Несколько покупателей получили незначительные ранения осколками разбившейся витрины. Если не считать шока от самого взрыва, серьезно в гастрономе никто не пострадал.

— Об этом писали в отчетах, — заметил Старцев.

— Да, я знаю, Николай Викторович. О третьем взрыве тоже упоминали в отчетах. Здесь преступники попросту не рассчитали, какой эффект произведет взрыв. Они использовали взрывное устройство аналогичное тому, что применили в гастрономе, но разместили его на улице 25 Октября в одной из урн. Благодаря тому, что по всей длине этой улицы используются урны, изготовленные на оборонном заводе из качественного чугуна, взрывная волна от безоболочного взрывного устройства ушла вверх, не причинив никому вреда. Мы же благодаря третьему взрыву теперь знаем: в столице работает организованная группа. Три взрыва, прогремевшие практически

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

в одно время, — дело рук одной организации, и нет смысла искать психа-одиночку. Прежде чем перейти к рассказу о том, что нам удалось установить, я хотел бы объяснить, как действовали силовые структуры после получения сообщения о взрывах.

— Мы не сомневаемся, что сотрудники МВД и медики сработали так, как того требовали обстоятельства, — заверил Старцев.

— Так и было. Уже через минуту после первого взрыва станция метро «Первомайская» была закрыта на вход и выход. Уже через минуту после первого взрыва было принято решение перекрыть выезд из Москвы для всех автомобилей. Без исключения. Ни правительственные, ни дипломатические, никакие машины не получили разрешения на выезд. В аэропортах и на железнодорожных вокзалах усилили режим досмотра багажа и проверки документов. На месте взрыва работали машины «Скорой помощи», был развернут временный лагерь для пострадавших и свидетелей. Ни одного свидетеля не выпустили из временного лагеря, пока с ним не пообщался сотрудник МВД. Но даже такие жесткие меры не помогли нам получить мало-мальски полезную информацию.

— Не думаю, что все настолько безнадежно. — Генерал-майор Старцев с сомнением по-

качал головой. — В противном случае вы бы здесь не сидели.

— Нет, конечно, на данный момент сдвиги в расследовании есть, и весьма ощутимые, но на первом этапе все было настолько безнадежно, что трудно и представить. Свидетелей нет, несмотря на десятки очевидцев. Существенных улик нет, а уж чего только мы ни делали! Мы перевернули каждый камень, каждую плиту на переходе от «Измайловской» до «Первомайской». Мы собирали даже мельчайшие остатки взрывного устройства, благодаря чему нам удалось определить, что бомба, сработавшая в метро, состояла из килограмма взрывной смеси и часового механизма. Мы собрали все возможные поражающие элементы и обнаружили, что в них присутствовала природная примесь мышьяка. Более того, нам удалось выяснить, что такая руда добывается только в Камыш-Бурунском месторождении в Крыму. Мы вскрыли обшивку вагона поезда, а на улице 25 Октября послойно сняли снег со всех близлежащих домов и здания Историко-архивного института, так как элементы взрывчатки попали и туда. Мы плавил снег в надежде отыскать хоть что-то полезное.

— Кропотливая работа. — Старцев снова покачал головой. — На такую работу требуется время.

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

— Вот оно и уходило, — подтвердил Удилов. — Не буду утомлять вас подробностями, перейду к тем моментам, которые объясняют версию, с которой я пришел к вам. Таких моментов несколько. Первое — руда с Камыш-Бурунского месторождения отгружалась в три региона, в том числе в Закавказье. Второе — в снегу на улице 25 Октября нашли минутную стрелку от часового механизма. Будильник, который использовали как часовой механизм, изготовили на Ереванском заводе. Третье — из тела мужчины, погибшего в метро, извлекли осколок обычной бытовой утятницы, которую использовали в качестве корпуса для бомбы. Простая ручка от простой утятницы синего цвета, но оказалось, что утятниц была изготовлена малая партия всего в пятьдесят штук, и продавались они в двух регионах, в том числе в Закавказье. Четвертое — хозяйственная сумка, в которую была упакована бомба, изготовлена на Ереванской кожгалантерейной фабрике, и продавались такие сумки только в магазинах в Ереване.

— Сумка уцелела? Удивительно! — Возглас удивления вырвался из уст Богданова.

— Понимаю ваш скептицизм. — Удилов перевел взгляд на Богданова. — Нет, сумка, та сумка, которую использовали в метро, не уцелела. Только фрагменты, по которым нашим специали-

стам удалось составить представление о ее внешнем виде. Один из оперативных работников КГБ в Ташкентском аэропорту узнал сумку по ориентировке. Сумку изъяли, провели все необходимые анализы и идентифицировали ее. На ярлыке изъятой сумки стояли данные производителя. Это произошло две недели назад.

— Ваша работа поражает, — искренне удивился Богданов.

— Мы старались, — произнес Удилов. — Как вы уже поняли, бóльшая часть ниточек, которые мы сумели установить, вели в Ереван. Тем не менее все это лишь косвенно указывало, в каком направлении следует вести расследование.

— С этим не поспоришь. Любой человек из любой точки СССР мог приехать в Ереван и купить там сумку, так же как и будильник Ереванского завода, — согласился Старцев. — И все же вы уверены, что след ведет именно туда, так?

— Я убежден, что взрывы — дело рук армянских националистов, и тому есть объяснения. В самом начале разговора я упомянул о том, что в ходе следствия были допрошены сотни людей. Не только в Москве, но и в других городах. Одним из тех, кого активно допрашивали в связи с серией взрывов, был Степан Затикян, один из основателей НОП Армении.

— НОП? Что это? — спросил Богданов.

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

— Так называемая Национальная объединенная партия Армении. Действует с тысяча девятьсот шестьдесят шестого года, Затибян стоял во главе организации, будучи студентом Ереванского политехнического института. По сути, костяк НОП состоял из Затибяна, его одноклассника Шагена Арутюняна и художника Айкануза Хачатряна. Они собрали под своими знаменами приличную по численности группу. Главная идея организации — независимость Армении. Они вели активную подпольную пропаганду на территории республики, агитируя проведение референдума и отсоединение от СССР. В тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году многие члены организации были арестованы. При обыске у Затибяна была изъята брошюра «Террор и террористы», которую он сам и написал. Тогда он получил четыре года колонии строгого режима. Вышел в тысяча девятьсот семьдесят втором году, сейчас на свободе.

— Каковы результаты допроса?

— О нет, Николай Викторович, такого подарка, как признание, от Затибяна мы не получили.

— Тогда что заставляет вас думать, что он все же причастен к взрывам, Вадим Николаевич?

— Новое покушение, Николай Викторович. Этому событию не дали огласки, поэтому вы

вряд ли в курсе, — начал Удилов. — Несколько дней назад на Курском вокзале обнаружена хозяйственная сумка, в которой находились сразу три бомбы.

— Три в одном месте?! — Старцев даже с места привстал.

— Да, Николай Викторович, сразу три. И, хотя механизм в них модернизирован, так сказать, доработан, нет сомнения, что изготовили их те же люди, которые изготовили бомбы, сработавшие восьмого января. На данный момент экспертами установлено, что преступниками был усовершенствован часовой механизм, увеличена поражающая сила зарядов. Теперь к каждой бомбе они прикрутили по двести штук шрапнелей в специальной упаковке. Представляете, какова была бы поражающая сила, взорвись хоть одна из этих бомб.

— Зона поражения живой силы заряда шрапнели до пятисот метров. Взрывная волна может усилить силу заряда, и зона поражения может достигать километра, — медленно отчеканил полковник Богданов. — Шестьсот зарядов шрапнели не оставили бы ни одного живого человека не только в здании вокзала, но и за его пределами, если бы силой взрыва здание было бы разрушено.

— К счастью, этого не произошло. С одной стороны, по счастливой случайности, с другой —

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

благодаря опыту январских событий. Усиление милицейских нарядов и ужесточение проверки паспортного режима все же сделали свое дело.

— Хотите сказать, наряду милиции удалось вычислить преступников, пронесших в здание Курского вокзала сумку с бомбами? — задал вопрос Старцев.

— Хотелось бы ответить на ваш вопрос утвердительно, но нет. Мои выводы исходят из последующих событий.

— Тогда озвучьте свои выводы, Вадим Николаевич, — попросил Старцев.

— Это я и собирался сделать. Не ради того, чтобы убедить вас в том, как замечательно работают правоохранительные органы Москвы, а лишь потому, что каждый час произошедших на Курском вокзале событий важен для полноты картины. Начну с того, что самого меня в Москве в то время не было. Делом «Взрывников» я руководжу с самого первого дня, и к выводу о том, что в деле прорисовывается армянский след, я пришел еще в сентябре, но у меня не хватало доказательств, чтобы идти с ними к руководству. Я хотел дождаться чего-то более существенного, чем обнаружение минутной стрелки от будильника «Слава» Ереванского завода, но мне пришлось поторопиться. Западная пресса начала активно муссировать тему взрывов в Москве, пытаюсь убе-

дить мировую общественность, что эти взрывы — дело рук диссидентов, проживающих в столице и других городах СССР.

— Да, я слышал такую версию, — согласился Старцев. — Возможно, в этих предположениях есть доля правды.

— Ни единой доли! — возмутился Удилов. — Ни одно диссидентское объединение не пошло бы на такой шаг, как взрывы в Москве! Ни один диссидент-одиночка не стал бы отстаивать свои убеждения за счет убийства невинных людей.

— Не горячитесь, Вадим Николаевич, я вам верю, — успокаивающим тоном проговорил Старцев. — Если вы убеждены, что диссиденты непричастны к взрывам, значит, так оно и есть.

— Я в этом убежден, Николай Викторович. Скажу больше: именно то, что западная пресса так активно продвигает эту теорию, и заставило меня в конечном итоге начать действовать быстрее. Я считаю, что делается это намеренно, чтобы увести нас от реального источника опасности.

— Что вы подразумеваете под «реальным источником опасности», Вадим Николаевич?

— Об этом позже. — Удилов вернулся к прерванной мысли: — Я сказал вам, что в то время, когда была обнаружена бомба на Курском вокзале, я не был в Москве. Это случилось потому, что

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

я, несмотря на отсутствие прямых доказательств причастности к взрывам в Москве армянских сепаратистов, добился того, что Юрий Владимирович Андропов лично дал указание отправить оперативно-следственную группу в Армению для выяснения обстоятельств. С этой целью нам выделили служебный самолет Андропова, настолько Юрий Владимирович оказался заинтересован в получении результата. Я был рад победе, но, как оказалось, это сыграло против меня же.

— Потому что вы в тот момент не были в Москве? — догадался Старцев.

— Именно поэтому. В тот момент, когда я спецрейсом спешил в Ереван, двое преступников, вооружившись новыми бомбами, поездом выехали в Москву. — Удилов снова стал проявлять эмоции, он просто не мог сдержаться, так близко к сердцу воспринимал трагедию. — Мы буквально на пару дней разминулись.

— Вы в этом уверены? Они ведь могли уже длительное время находиться в Москве. — Старцев увидел возмущенное выражение на лице Удилова и поспешил объяснить свое сомнение: — Нет, ваши слова я не оспариваю. Просто рассуждаю логически. Ехать с бомбами в сумке в столицу перед шестидесятилетием Великой Октябрьской революции — чистой воды безумие. КГБ и МВД СССР за две недели до празднова-

ния юбилея усилили патрулирование на вокзалах, в метро и других общественных местах. Плюс дежурства усиленных нарядов, дружинников, всевозможных добровольных помощников. Столица кишмя кишит патрулями и нарядами милиции чуть ли не с двадцатого октября. Неужели они об этом не знали?

— Думаю, нет. Они такого не ожидали, и именно этот факт, увеличение патрулей и проверок документов, заставил их оставить все три бомбы в одной сумке, а сумку бросить на вокзале. Они попросту побоялись выйти с сумкой из здания вокзала. Попасть в зал ожидания они сумели каким-то чудом, но повторить этот трюк так и не решились. Через сутки после приезда они уже собрались в обратный путь. Они купили билеты на железнодорожный поезд «Москва — Ереван» и сидели в зале ожидания, дожидаясь посадки на поезд. Затем они увидели приближающийся патруль, испугались и спешно покинули зал ожидания, даже не забрав из сумки с бомбами свои личные вещи.

— Патруль обнаружил сумку после их ухода?

— Нет, Николай Викторович, патруль ее не обнаружил. Они оставили сумку в общей гряде вещей семьи, следующей на постоянное место жительства из Сибири в Дагестан. Муж с женой, свояченица с мужем и уйма детей, представляете,

сколько сумок, баулов и чемоданов у них было? Неудивительно, что они даже не сразу сообразили, что среди их вещей появилась чужая сумка. Именно это спасло всех нас от новой трагедии.

— Хотите сказать, сумку обнаружила простая семья из Сибири и никто не напорточил? — удивился Старцев.

— Говорю же вам: удачное стечение обстоятельств. Когда глава семейства понял, что находится в сумке, он обратился к ближайшему патрулю. Милиционер, откликнувшийся на просьбу пассажира взглянуть на бесхозную сумку, заглянув в нее, увидел мигающую лампочку. На раздумья и советы времени не было, он принял решение переместить сумку в более безлюдное место, а именно в зал делегаций при вокзале. Затем вызвал взрывотехников. Те перебазировали сумку в станционный морг и начали работу. На этот раз взрывное устройство было устроено несколько иначе. Взрывной механизм включался с помощью часов через двадцать минут после поворота тумблера, причем сам тумблер выполнял двойную работу. Если его повернуть влево, ток от батареи идет на лампочку, при этом бомба остается совершенно безвредной. Если же тумблер повернуть вправо, ток от батареи пойдет на взрывное устройство, и тогда оно сработает.

— Что и говорить, усовершенствование взрывного механизма налицо. — Старцев нахмурился. — Они становятся изощреннее.

— Первоначальный план был таков: преступники дожидаются посадки на свой поезд. За двадцать минут до нее покидают зал ожидания, переключив рычаг тумблера. В момент взрыва они находятся в поезде, уходящем от эпицентра взрыва. В случае же если вдруг какой-то внимательный пассажир напомнит им об оставленном багаже, они могут спокойно переключить тумблер обратно на лампочку и, даже забрав сумку, остаться в живых.

— Хитроумный план, — вынужден был похвалить Старцев.

— Хитроумный, — согласился Удилов. — Но и он не сработал. Из-за проверки документов им пришлось оставить сумку задолго до отправления поезда. Оперативно-следственная бригада пришла к выводу, что преступники повернули тумблер на лампочку в тот момент, когда еще надеялись уйти с вокзала с сумкой или довести до конца свой коварный план. Этот маневр давал им больше времени, но, несмотря на это, к сумке они уже не вернулись. Когда взрывотехники начали работать с сумкой, переключатель тумблера выводил ток от батареи к лампочке. Бомбы простояли в таком положении от шестнадцати до восемнад-

СТАНЦИЯ НЕВОЗВРАТА

цати часов, за это время питание батареи почти полностью истратилось на лампочку, и благодаря этому взрывной механизм не смог бы сработать, даже если бы кто-то из штатских повернул тумблер, отключив тем самым электролампочку.

— Значит, бомбы удалось обезвредить, — заключил Старцев, — а преступникам удалось уйти. Тогда почему этот эпизод так важен для нас?

— Потому что благодаря этой сумке мы вышли на реальных людей, — заявил Удилов.

— Каким образом?

— В сумке, поверх бомб, лежали спортивная куртка и шапка-ушанка. На куртке обнаружили олимпийскую нашивку из Еревана, на шапке — несколько выющихся темных волос. Оперативники тут же разослали ориентировку: искать курчавого брюнета без багажа и верхней одежды. Его обнаружили сотрудники линейного отдела милиции на пограничном контроле между Армянской и Грузинской ССР. Они обратили внимание на пассажира поезда «Москва — Ереван» — тот делал вид, что спал на верхней полке. Он подходил под ориентировку: брюнет с выющимися волосами, несмотря на холодное время года, был без куртки, а под брюками — трико от комплекта олимпийки, обнаруженной в сумке с бомбами. Мужчина не имел ни багажа, ни документов. Его задержали, он назвался Акопом Степаняном. В соседнем

вагоне обнаружили его подельника, Завена Багдасаряна. Их задержали и доставили в армянское отделение КГБ. Их личности были установлены: уроженцы Еревана двадцативосьмилетний Акоп Степанян и его родственник, двадцатитрехлетний Завен Багдасарян.

— То есть преступников вы задержали, — попытожил Старцев. — Тогда не понимаю, в чем именно вам требуется помощь?

— В Армении сложилась непростая ситуация, — помолчав пару минут, заговорил Удилов. — В самый разгар оперативно-следственных мероприятий, которые последовали за арестом Степаняна и Багдасаряна, в КГБ Армянской ССР позвонил Первый секретарь ЦК КП Армении Карен Демирчан и потребовал прекратить все следственные мероприятия, направленные против граждан Армении, и отпустить задержанных под подписку о невыезде.

— На каком основании? — удивился Старцев.

— На том основании, что мы москвичи и действовать без должных доказательств на территории Армении не имеем права. Мы, видите ли, нервнуем честных людей и срываем подготовку к празднованию шестидесятилетия Октябрьской революции. Первый секретарь в числе членов делегации вылетает в Москву на торжественное заседание и собирается доложить о «недостойном»

поведении московских сотрудников КГБ. Так нам и передали.

— Но ведь если промедлить с допросами и тем более обысками, то это сведет на нет всю работу! Понятно же, что как только этих двоих выпустят, они тут же уничтожат все улики, — возмутился Богданов.

— Мы тоже это понимали, Вячеслав Антонович. Лучше, чем кто бы то ни было.

— И что же вы сделали? — вопрос задал Старцев.

— Мы отпустили Степаняна и Багдасаряна, — начал Удилов. — Но сначала провели у них на квартирах обыски, которые дали нам подтверждение их причастности к изготовлению взрывных устройств.

— Провели обыски? Вам все же удалось получить ордера?

— Это долгая история. — Удилов уклонился от прямого ответа. — Скажем так: кое-кто из местных руководителей КГБ не потерял бдительности под давлением Первого секретаря КП и выполнил свою работу. В результате на квартире Степаняна были обнаружены предметы для изготовления бомбы, которые совпадали с теми, что были обнаружены в Москве, по семнадцати позициям. Думаю, это спасло нас от отстранения от дела, так как к моменту, когда из Москвы поступил звонок с требованием объяснений на-

ших действий, мы были во всеоружии. Конфликт интересов Первого секретаря и оперативно-следственной группы КГБ Москвы разрешился, но мы все равно испытываем давление со стороны армянских коллег. Осторожность их действий понятна, но совершенно для нас неприемлема. И вот теперь я подхожу к главной цели своего визита.

Удилов выдержал паузу, видимо, подбирая слова для дальнейших объяснений. Старцев его не торопил, понимая, что наступил переломный момент: Удилов либо доверится им, «нелегалам», полностью, либо решит действовать с осторожностью, и произойдет это именно сейчас. Старцев ждал, и Удилов принял решение.

— Сегодня я уже упоминал о том, что западная пресса активно продвигает теорию причастности к взрывам в Москве столичных диссидентов, — начал он. — Так вот, на этот счет у меня есть своя теория. Оговорюсь сразу, она ни на чем не основывается, кроме как на моем стойком убеждении в том, что я прав. Но это пока. Доказательства своей теории я надеюсь добыть с вашей помощью, товарищ генерал-майор.

— Что за теория? — задал вопрос Старцев.

— Обыск на квартире Степаняна дал нам еще кое-что: из записей, найденных при обыске, стало ясно, что к делу причастен Степан Затилян.

Это же подтвердили допросы Степаняна и Багдасаряна.

— Основатель НОП? Тот, кого допрашивали после январских взрывов?

— Да, Николай Викторович, именно он. Основатель Национальной объединенной партии Армении, который был осужден за антисоветскую пропаганду и отбывал срок в лагерях. Слова Степаняна и Багдасаряна подтвердили неофициальные источники кое-кого из сотрудников КГБ Армении: Затикян тесно связан с задержанными. На данный момент он не является главой НОП, но женат на сестре нынешнего главы партии некоего Айрикияна. Нашлось подтверждение и тому, что своих националистических взглядов Затикян не изменил.

— Тогда почему вы не арестуете его и не закончите с этим делом? — спросил полковник Богданов.

— Его арестовали вчера ночью, — ответил Удилов. — Мне сообщили, что при обыске на квартире Затикяна найдены детали, аналогичные тем, что использовались для сборки бомб, обнаруженных в Москве. Кроме того, на кухне под клеенкой нашли схему взрывного устройства, которое использовали в московском метро. Всех троих задержанных разрабатывают оперативники Армении и Москвы. Им предстоит трудоемкая

работа: нужно будет доказать, что схема выполнена рукой Затикиана, найти свидетелей, которые подтвердят нахождение этих троих в Москве в январе этого года, и многое другое. Но от вас мне нужна другая работа.

— Говорите, Вадим Николаевич, — подбодрил Удилова Старцев.

— Я считаю, что Национальная объединенная партия не так сильна, чтобы суметь организовать подобную операцию. Я убежден, что за НОП и Затикианом скрывается более крупная рыба, и есть вероятность, что здесь не обошлось без западных спецслужб.

— И вы хотите, чтобы мои ребята нашли доказательства вашей теории, — подытожил Старцев.

— Да, именно этого я и хочу. Сейчас ко мне и моим ребятам в Армении приковано очень много взглядов. Недовольных и подозрительных взглядов, Николай Викторович. Ваши же бойцы знают, как уйти от подобного внимания, как отыскать нужную информацию, получить ей подтверждение и вывести из тени тех, кто посягает на Советский Союз.

— Что ж, тут вы правы, опыта у моих ребят для такой работы достаточно. Итак, обсудим детали.

Старцев достал из стола пустую папку, чистые листы бумаги, и все трое приступили к составлению плана.

ГЛАВА 2

К четырем часам дня группа «Дон» в полном составе собралась на подмосковной базе. Не хватало только командира, полковника Богданова. Звонок с сообщением об общем сборе бойцы получили в два часа дня. Как всегда, от станции метро их забрал дежурный автобус. Год назад бессменный водитель Григорий Иванько ушел на заслуженный отдых, и группе дали нового водителя, а вместе с ним новенький микроавтобус латвийского производства «РАФ-2203».

В 1976 году эта модель была чуть ли не эксклюзивом, так как производство микроавтобусов латвийские товарищи наладили всего год назад. О такой машине группа могла только мечтать: современная двухконтурная система привода тормозов обеспечивала максимальную безопасность, удобные отдельные кресла для всех пассажиров, металлические элементы салона, прикрытые мягкими накладками. И в довершение шика — собственная эмблема, состоявшая из стильного силуэта машины, в который латиницей «вписана»

заводская аббревиатура RAF. Шик-модерн, да и только.

Микроавтобусом члены группы остались довольны, а вот с водителем за год совместной работы так и не удалось наладить контакт. Тридцатилетний парень оказался настолько замкнутым по натуре человеком, что за год члены команды полковника Богданова едва ли перемолвились с ним парой фраз. Все его общение с группой сводилось к односложным предложениям типа: «Машина готова» и «можем ехать». На работу этот факт особо не влиял, но осадок после таких поездок всегда оставался.

Вот и в этот раз водитель, Илья Смирнов, подал микроавтобус к месту сбора точно в срок, молча дождался, пока группа погрузит в салон вещи, так же молча доехал до базы и, не прощаясь, уехал. Члены группы разнесли вещи по комнатам и собрались в кухне-гостиной.

— Кто знает, для чего нас собрали на этот раз?

Вопрос задал лейтенант Зуйков, самый нетерпеливый из группы. Вопрос прозвучал, и все взгляды устремились на заместителя командира подполковника Дубко. Очередное звание Дубко получил через полгода после Богданова, а еще через год в группе начали поговаривать, что скоро Дубко сменит командира спецподразделения на его посту. Мимо Дубко эти разгово-

ры, естественно, не прошли, и он, не особый любитель интриг и тайн, открыто задал вопрос Богданову. Тот пожал плечами, улыбнулся и заявил, что смена руководства спецподразделением в Управлении не обсуждалась. Случилось это пару недель назад, и Дубко решил выбросить мысли о замене командира из головы, а заодно посоветовать своим товарищам попридержаться языки.

— Полковник Богданов звонил из Управления, так что ни о каких подробностях речь не шла, — ответил Дубко.

— И в котором часу он придет на базу, тоже неизвестно? — на этот раз вопрос задал капитан Дорохин.

— Неизвестно, Коля. Скорее всего, он все еще утрясает вопросы с командировкой или прорабатывает план наших действий, так что у нас есть время на тренировку, — пояснил Дубко. — Казанец остается за кашевара, готовит ужин. Ночуем на базе, так что без еды не обойтись. Остальные на стрельбище, часовая тренировка.

— Есть приготовить ужин, — вяло козырнул Казанец, которому идея пострелять нравилась куда больше, чем готовка ужина.

Остальные члены группы, радуясь, что их миновала участь Казанца, один за другим вышли из домика. Дубко задержался.

— Юра, за готовкой не забывай про телефон, — напомнил он. — Командир может позвонить в любой момент, так что будь начеку.

— Он должен позвонить?

— Не обязательно, но возможно. Не хочу, чтобы, сидя в Управлении, ему пришлось ждать, пока мы соизволим ответить.

— Я понял, Саша. Если Богданов позвонит, я тебя позову, — пообещал Казанец.

К семи часам Богданов так и не приехал, и не позвонил. Бойцы закончили тренировку, поужинали и разошлись по комнатам. Дубко обосновался в мансарде напротив телефонного аппарата и приготовился ждать. Отвечая на вопрос Зуйкова о цели сбора, Дубко лукавил. Командир действительно не сказал, куда на этот раз их планируют забросить, но все же кое-какую информацию Дубко получил. Богданов сказал, что дело связано с январскими событиями, из чего Дубко сделал вывод: речь пойдет о взрывах в Москве. А о чем еще может идти речь? События восьмого января этого года стали самым шокирующим фактом, его обсуждали все и везде. Разумеется, в группе дело «Взрывников» тоже не осталось без внимания.

Когда члены группы только узнали о том, что в Московском метрополитене произошел террористический акт, они стали рваться в бой. Бойцы были убеждены: такого преступникам спускать